

ВЛАДИСЛАВ КИРИЧЕНКО

Государственная полярная академия (Санкт-Петербург)

**МОТИВЫ СВЕТА И ТЬМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ
НАРРАТИВЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ГИЙОМА АПОЛЛИНЕРА
ИЗ СБОРНИКА *АЛКОГОЛИ***

Light and Darkness of Guillaume Apollinaire's Poetic Narration in *Alcools*

The paper is focused on analysis of the motifs of light and darkness in the poetic narration of the compilation *Alcools* written by Guillaume Apollinaire. These motifs are surveyed in the context of sequential events composing the stories of poems. The diminishing of opposition “light-darkness” in *Alcools* poems as well as the replacement of these notions by changing connotative meanings are demonstrated in the paper. Contradictory motifs of light and darkness are not in the position of confrontation in the compilation; on the contrary, they compose a specific unity. The diminishing of “light-darkness” opposition is implemented via the introduction of the categories of “colorlessness” and “grey-ness”. In *Alcools* the motifs of darkness quantitatively prevail over the motifs of light. Moreover, lyrical speaker/narrator expresses his attitude towards these categories, thus expressing his explicitness.

Keywords: motive, poetry, narration, lyrical speaker.

Свет и тьма как фундаментальные понятия этики и эстетики и как вечные философские проблемы существуют в литературе с момента ее зарождения. Соответственно, мотивы света и тьмы реализуются в художественных текстах, углубляются и расширяются в процессе развития литературы. Одни из первых проявлений данных категорий можно встретить в античной поэзии, а с момента появления *Библии* им предается гораздо более сильное значение и они начинают работать в качестве символов. На протяжении всего мирового

литературного процесса свет и тьма являются одними из главнейших мотивов как прозаических произведений, так и поэтических. Не является исключением и французская литература, в которой эти вопросы освещены достаточно хорошо. Отметим также, что данные мотивы существуют как противоположные, то есть они изначально подаются авторами в оппозиции, однако бывают случаи, когда в контексте свет и тьма «меняются местами», одно перенимает признаки другого. Таким образом, все выше сказанное подтверждает актуальность для исследования данной темы, что в будущем может способствовать дальнейшему ее развитию и углубить понимания авторской поэтики.

В данной работе будут рассмотрены мотивы света и тьмы в поэтическом нарративе стихотворений Гийома Аполлинера из сборника *Алкоголи* (1913).

Для начала укажем, что Г. Аполлинер (1880 — 1918) один из самых известных французских поэтов и влиятельных деятелей европейского поэтического авангарда начала XX века. Его мастерство в такой поэтической форме, как верлибр (фр. *vers libre* — свободный стих), может считаться достойным особого внимания, как и его графические изобретения изображения внешнего пространства текста. Нельзя не упомянуть об особенности французского верлибра, о которой писал М.Л. Гаспаров:

Если в немецком и английском свободном стихе слух быстро убеждается, что в строках нет однородных стоп, то во французском свободном стихе слух долго продолжает примериваться к слоговой длине строк и лучше замечает случайные или неслучайные совпадения их с традиционными силлабическими размерами (Гаспаров 2003, 227).

Как считал сам поэт, в его первый крупный сборник стихотворений, названный *Алкоголи* (*Alcools*), вошли его лучшие стихи.

До этого лишь был опубликован его цикл коротких стихотворных фрагментов *Бейстиарий, или кортеж Орфея (Le Bestiaire ou le cortège d'Orphée, 1911)*. После выхода *Алкоголей* современники сразу же заметили новаторский характер его стихов: отсутствие пунктуации, перепады тона, отсутствие рифмы и шаткость строф, резонансная ритмика и т. д. Интересно, что стихотворения Аполлинера часто имеют повествовательные признаки, то есть в его поэтических текстах наглядно присутствует событийный ряд с отступлениями, реже с неявными диалогами. Нарративная поэзия, как явление, не очень свойственна именно для жанра лирического стихотворения, так как его основной целью является передача настроения, отношения и состояния лирического субъекта. Таким образом, рассмотрение в поэтическом сборнике *Алкоголи* позиции и особенностей наррации кажется достаточно важным.

Перед тем, как приступить к анализу мотивов света и тьмы в нарративе стихотворений, отметим, что данная работа выполняется с использованием нарратологической методики В. Шмида, и что в каждом из разобранных стихотворений есть неизменные качества повествователя, которые стоит указать заранее, чтобы в дальнейшем их не повторять. Такими свойствами являются: 1) сильная выявленность — повествователь часто проявляет себя в тексте (Шмид 2008, 74-79), даже когда экзегетичен, т. е. не находится в рамках повествуемой истории, мыслитель и наблюдатель со стороны (Шмид 2008, 82-83); 2) первичность — по степени обрамления, что свойственно большинству поэтических текстов (Шмид 2008, 80-82); 3) Личный — по критерию личности повествователь данного сборника наделен особыми чертами (Шмид 2008, 71), что позволяет, кстати, говорить о нем, как о лирическом герое; 4) антропоморфный — выражен человеческим существом; 5) единый — по критерию гомоген-

ности (Шмид 2008, 72); 6) венаходимый — не обладающий способностью к интроспекции в сознания героев (Шмид 2008, 80). Критерии профессиональности и надежность нарратора здесь лучше опустить, так как они в лирических произведениях из-за их небольшого объема не всегда успевают проявиться в полной мере.

В стихотворении *Мост Мурабо* (*Le pont Mirabeau*) мотив тьмы репрезентуется в изображение спускающейся на мир людей ночи, которая своим «звоном» говорит о том, что время постоянно идет, свет сменяется тьмой, пока идет жизнь лирического героя:

Vienne la nuit sonne l'heure / Les jours s'en vont je demeure» (Аполлинер 2008, 38). Здесь свет и тьма не находятся в стандартной оппозиции, нет отрицательных или положительных оценок от повествователя, для него смена этих полюсов лишь естественный ход времени. Таким образом, тьма выступает как вестник проходящего времени. Ощущается некоторый мотив тщетности бытия лирического героя и чувствуется авторская интенция разочарования, так как его любовь уходит, как воды Сены под мостом Мурабо: «L'amour s'en va comme cette eau courante. (Аполлинер 2008, 38)

Смены дня и ночи — ход времени, выраженный через мотивы света и тьмы в пространстве, которые рефреном проходят через весь текст, стремятся показать читателю всю силу их сущности. Интересно, что в принципе ночь отражает время наступающее, приходящее, а день — время уходящее, что означает некоторую антитетичность этих категорий. Также, важно, что перед нами личный повествователь, выражающий свою точку зрения посредством внешних наблюдений, рефлексии над своим внутренним состоянием, вызванным единственным событием: он увидел, как под мостом течет Сена: «Sous le pont Mirabeau coule la Seine / Et nos amours...» (Аполлинер 2008, 38).

Стихотворение *Дом мертвых* (*La maison des morts*) было написано в 1902 году как поэтическое воспоминание о своей поездке в Мюнхен. В этом произведении Аполлинер попытался совместить

свободный и рифмованный стих, при этом, он настаивал, что это «поэтическая проза» (Аполлинер 2008, 330). Здесь обнаруживается преобладание частотности употребления мотивов, связанных с тьмой, что обуславливается самим названием произведения. Однако, как ни странно, эти мотивы не несут негативной или трагической эмоциональной окраски: «Les morts se réjouissaient / De voir leur corps trépassé entre eux et la lumière» (Аполлинер 2008, 44) или «A la petite groupe des morts récents / Tous étaient gais» (Аполлинер 2008, 48). Даже сам стих начинается вполне нейтральным описанием: «S'étendant sur les côtés du cimetière / La maison des morts l'encadrait comme un cloître» (Аполлинер 2008, 44).

Подобно маркизу де Саду, Аполлинер пишет об ужасных, иногда отвратительных вещах весьма отстраненно, что по-своему характеризует его имплицитного диегетического нарратора (т. е. изображенного посредством индициональных знаков (Шмид 2008, 70-71) и погруженного в повествуемый мир (Шмид 2008, 82-84), который выступает в качестве очевидца описываемых событий, репрезентуемой истории. Примерно то же «настроение» повествователя наличествует и в его прозаических произведениях, сходных по теме с данным стихотворением: *Убиенный поэт* (*Le poète assassiné*, 1916) и *Гниющий чародей* (*L'Enchanteur pourrissant*, 1909). Кроме того, подчеркнем, что наррация периодически и неявно сменяется диалогами близких персонажей: повествуемое событие - «Un mort parlait avec une jeune femme...» (Аполлинер 2008, 54), резкий переход в диалог - «Je vous aime / Disait-il / Comme le pigeon aime la colombe» (Аполлинер 2008, 54).

Мотив света здесь воплощается как ускользающий шанс на счастье, на настоящую жизнь, а не на простое экзистенциальное существование, которое метафоризируется мотивами тьмы и смерти

в стихотворении: «Je vous aime ... / Comme l'insecte nocturne / Aime la lumière» (Аполлинер 2008, 54). Также интересно, что присутствует некоторая контекстная схожесть мира мертвых и существования людей как теней, что утверждает экзистенциальный посыл. Более того, наличествует не противоборство противоположных мотивов света и тьмы, а их единение. Так, мертвые выбирают для себя живых, с которыми будут проводить время: «Les morts avaient choisi les vivants». А лирический герой сомневается в том, что читатель может отличить одних от других: «Que bien malin qui aurait pu / Distinguer les morts des vivants» (Аполлинер 2008, 48). Это высказывание подтверждает оценочность повествователя, его эксплицитность, т. е. саморепрезентацию за счет неявного обращения к читателю.

Шествие (Cortège) особенно значимо среди «длинных» стихотворений, которые написаны нерегулярным стихом. Данное произведение изначально должно было попасть в цикл из 12 стихотворений *Республиканский год*, но потом он был переосмыслен «новым лирическим сознанием» *Алкоголей* и разрыв с Мари Лорансен. Воспоминания о ней наличествуют во всех стихотворениях сборника (Аполлинер 2008, 331).

Стихотворение начинается обширной метафоры полета птицы, на которую пытается посмотреть человек. Эта ситуация выступает как метафора свободы и счастья, которые не просто не доступны и не уловимы, но и еще могут и убить:

Oiseau tranquille au vol inverse oiseau
Qui nidifie en l'air
A la limite où notre sol brille déjà
Baisse ta deuxième paupière la terre t'éblouit
Quand tu lèves la tête (Аполлинер 2008, 62).

Свет уже меняет свою коннотацию, становится опасным и убийственным для человека, выступает как отрицательная категория, недостижимый абсолют. Повествователь откровенно предупреждает своего фиктивного адресата, таким образом, проявляется как эксплицитный и экзегетический. Он говорит своему адресату: «Et moi aussi de près je suis sombre et terne». Сравнивая себя с тем, кто пытается посмотреть на птицу, нарратор практически вступает в безответный диалог, при этом в его портрет отражаются качества, казалось бы, противоположные мотивам света, но оттеняемый свет фонарей и неба туманом, рукой и сводом, как защита для того человека:

Une brume qui vient d'obscurcir les lanterns
 Une maine qui tout à coup se pose devant les yeux
 Une voûte entre vous et toutes les lumières (Аполлинер 2008, 62).

Лирический герой, не боясь, но озаряясь светом, отдается пучине тьмы, которая по сути должна нести нечто ужасное, но это тьма звездного неба, в которой повествователь растворяется с вечностью: «Et je m'éloignerai m'illuminant au milieu d'ombres» (Аполлинер 2008, 62). Сам образ происходящего несколько противоречив, антитетичен для читателя, однако у лирического героя не возникает никого диссонанса. Таким образом, можно говорить о том, что здесь происходит не «подмена», а замена смыслов понятий мотивов света и тьмы в контексте. Однако, далее, появляется огонь, который горит не для земли и не для солнца, но для человека и может его ослепить, но лирический субъект уже предупреждает, что когда-нибудь он (огонь) станет единственным светом на земле:

Ni à cause du soleil ni à cause de la terre
 mais pour ce feu oblong dont l'intensité ira s'augmentant
 au point qu'il deviendra un jour l'unique lumière (Аполлинер 2008, 62).

Повествователь рефреном призывает человека прикрыть второе веко, чтобы не совсем ослепнуть от истины, которую отражает в себе свет. Более того, в развитии истории видно, что тот человек и есть сам Аполлинер: «Un jour je m'attendais moi-même / Je me disais Guillaume il est temps que tu viennes». То есть лирический герой все это время разговаривает сам собой, пытается себя спасти.

Помимо того, автор привносит в текст новую промежуточную категорию «бесцветность» или «серость», которая отражает не только туман: «Rien n'est mort que ce qui n'existe pas encore / Près du passé luisant demain est incolore» (Аполлинер 2008, 62). Серость / бесцветность как промежуточное явление между светом и тьмой реализуется как отрицательная, она есть затуманенное грядущее для лирического героя.

В итоге можно говорить о том, что мотивы тьмы превалируют над мотивами света в количественном аспекте в поэтическом нарративе стихотворений Г. Аполлинера из сборника *Алкоголи*. Также, они периодически вступают в негомогенные отношения, то есть преломляется классическая бинарная оппозиция «свет-тьма», иногда меняются смыслами и коннотация друг друга в контексте. Интересно, что Аполлинер добавляет к этим категориям «бесцветность» / «серость», таким образом, создавая более широкую структуру мотивов в поэтических историях. Лирический герой, он же единственный повествователь, периодически меняет свое обличье: становится то диегетическим, то экзегетическим, при этом он в основном эксплицитен, имеет за собой некоторую личность на протяжении всего сборника, которую можно охарактеризовать определенным образом. Кроме того, отметим оценочность данного нарратора, которая проявляется даже тогда, когда он старается вести себя отстраненно относительно повествуемых событий.

ЛИТЕРАТУРА:

- Аполлинер Гийом: *Стихотворения*, пер. с фр., состав., послесл. и коммент. М. Яснова. Москва 2008.
- Гаспаров Михаил: *Очерк истории европейского стиха*. Москва 2003.
- Шмид Вольф: *Нарратология*. Москва 2008.